

В предлагаемом АПН вниманию читателей интервью, данное корреспонденту журнала «Вопросы литературы» Юрию Овсянникову известным советским писателем, лауреатом Ленинской премии Леонидом Леоновым, поднимаются важные вопросы литературы и современности, а также говорится о том, как создавалась повесть «Евгения Ивановна». Печатается в сокращении. Полностью интервью публикуется в 6-м номере журнала «Вопросы литературы».

— В статьях сборника «Литература и время» вы часто употребляете понятие «материал». Как образуется материал искусства?

— Материалом я называю то в окружающей действительности, что может высечь из писателя искру. И такую искру, которая способна осветить или этот момент, или эту ночь, или этот день, или эту эпоху... Факт действительности, ставший частью писательской души, — это и есть материал искусства. События великого исторического масштаба не оставляют равнодушным никого, в том числе и литератора. Таким событием сверхмирового, гигантского значения, которое выходит за пределы всех привычных канонических писаний, нужно считать происшедшую в нашей стране революцию. Это громадное явление, которое надо чрезвычайно глубоко понимать. Дело не только в сражениях гражданской войны — дело в том столкновении идей, в гигантском торнадо идей, которое произошло в России и разворотило все сердца и души. Об этом в значительной мере и написана повесть «Евгения Ивановна». (Далее Леонид Леонов подробно рассказывает о том, как создавалась повесть, и в ходе всей беседы по просьбе корреспондента не раз обращается к этому произведению, получившему высокую оценку читателей и критиков).

— Можно ли утверждать, что одними впечатлениями от «натуры», какими бы яркими и обильными они ни были, жизненные истоки художественного образа все-таки не ограничиваются никогда?

— Жизненные истоки... Художник развивается параллельно с эпохой. О чем бы ни писал автор, он все равно пишет о своем времени. Писатель не может быть не возмущен, когда возмущена стихия.

Есть две категории литераторов. Произведения одних можно рассматривать как законный и уважаемый продукт труда. Для других то, что они делают, — это часть их духовной биографии: они не могут не сделать эту вещь, она вписалась в их жизнь. Этим определяется также и отношение к «натуре». Любой элемент непосредственного восприятия, всякая живая натура не могут полностью удовлетворить такого художника. Еще более резко это сформулировано у Микеланджело, сказавшего что-то вроде: больше всего в жизни я ненавижу оригиналы.

Прототипов у меня, за редкими случаями, не было. Получалось наоборот. Сначала мысленно создавался определенный герой — его чертёж, схема, а потом я искал натуру, которая бы годилась к этой схеме. Это, вообще говоря, правильно, потому что вся живая действительность, которая создается у писателя, должна как бы проверяться заново жизнью, быть увенчана какой-то короной, идеальностью.

Чем сильнее книга, тем неотступней персонажи, тем нельзя избавиться. Просыпаешься в три часа ночи, зажигаешь лампу, приходишь в себя, чтобы записать формулу, которая только что пришла. Иначе упустишь и будешь утром терзаться. Это уже не производство, это скорее борьба, взаимодействие с персонажами, от которых нельзя избавиться. И они уже в самих себе содержат субстанции определенных вещей.

В какой-то статье было сказано: «Любимое слово леоновское — координаты». Действительно, может, названный автор и злоупотребляет этим словом, но оно кажется ему важным. Дело в том, что образ даже в самых значительных произведениях строится максимум на двадцати — тридцати координатах. А более расхожие авторы часто играют на двух-трех координатах; есть даже такие, которые играют на одной: она — вспышка в разные стороны, ей и довольствуются... В разговорах с актерами, работающими

над ролями моих пьес, я обычно привожу определенную схему, показываю, как это бывает и как координаты кроются одна за другой и нарастают.

Жизнь делится на миллионы и миллиарды координат.

Когда стоят рядом Толстой и Достоевский, они смотрят на одну и ту же действительность, черпают из той же жизни, но восприятия их совершенно непохожи. Потому что количество сечений хотя бы листа рябины бесконечно. Точно так же, как число обстоятельств, которыми человек привинчен к Земле, безгранично.

— Каково, на ваш взгляд, соотношение сознательного и бессознательного в творческом процессе?

— Говоря как на исповеди, возникновение замысла, пожалуй, больше всего для меня похоже на заболевание, причем серьезное и мучительное. Оно возникает спонтанно, развивается, зреет, и вдруг происходит расщепление ставшего привычным на новые и новые образы. Художник хотел бы ввести творческий процесс в сознательное русло, но работа его на очень много процентов свершается независимо от этих усилий.

Мы еще плохо знаем, что вызывает иной раз непредвиденный ход мышления, чем он управляется и как отражаются на нем в свою очередь им же порожденные поступки, действия, творения.

Леонид ЛЕОНОВ

ПО КООРДИНАТАМ ЖИЗНИ

Создавая произведения, художник стремится подчинить свои усилия какой-то определенной идее — я имею в виду не логический тезис или утилитарное задание, а идею как душу явления. Надо, чтобы получился единый, целесообразный внутри себя организм, чтобы все его части были членами действующего уравнения. Такая идея не виньетка сбоку, а сама мускулатура произведения.

— Одно из постоянных устремлений писателя, как известно, — найти стиль, отвечающий теме. Как отражаются, по вашему представлению, изменения, происшедшие в жизни, на стиле литературных произведений, на их форме?

— С писателем происходит много сложных процессов, стиль, как и человек, меняется. Сюда относятся и своим чередом свершающиеся независимо от автора, но властно его захватывающие перемены в самой окружающей действительности, в людской психологии.

Сегодня роман не может писаться так, как раньше. Новаторство приходит в искусство и литературу не за счет вздорных фокусов, искривлений, затемнения смысла. Новизна будет означать повышение емкости произведения. Та же книжная площадь, страница, фраза вместят чувства и мысли больше, чем прежде.

Современное искусство поднимает все новые пласты действительности, заглядывает в закоулки духовной жизни, вовлекает в свою сферу даже те накопленные человечеством культурные отвалы, которые до сих пор оставались неиспользованными. Быть может, из этих отвалов и не добудешь серебра или золота, но оттуда будет извлекаться осмий или ванадий. Осмий не так силен, но и не так груб, как золото. На золото можно купить бутылку коньяка, веселье, яхту, а на осмий можно овладеть Марсом, то есть получить необходимые сведения для полета.

Искусство, мне кажется, может добиться многого также на путях обобщенного изображения. Художнику не надо бояться отвлеченности: поправки на эпоху неминуемо внесет самый материал, из которого соткано событие.

Не деланная, а подлинная оригинальность писателя вырастает из проницательности его взгляда на жизнь.

Когда речь шла о количестве координат, на которых строится художественный образ, то, конечно, можно заменить это понятие глубиной проникновения в действительность. Это в конце концов то же самое, на сколько этажей писатель уходит вглубь, исследуя жизненное явление. Наградой за эти труды и преодоления является литературная самобытность, рождение своего художественного мира, который можно назвать «окрестностями писателя». Читая книгу, вы входите в мир таких писателей, как Бальзак, Диккенс или Достоевский.

Внешне этот художественный мир нередко разительно отличается от реального. Может, березы будут там черные, вода особенно медленная, на небе будут висеть два солнца, а не одно... Но мы увидим жизнь и себя, как в зеркале. Хороший писатель — явление неповторимое, интересное. В каждом писателе как раз и нужно поддерживать ту исключительность, что составляет его талант.

— Леонид Максимович, после появления «Русского леса» вас стали звать лесником. Не доводилось слышать и о других ваших «профессиях». Верно ли, что при одном из чтений повести «Взятие Великошумска» военные специалисты заявили, что они теперь считают вас танкистом? А после опубликования «Соти» вас приглашали поехать в качестве ревизора по бумажным фабрикам?

— Это было. Такие оценки со стороны специалистов, разумеется, всегда лестны для писателя. Но для художественной литературы они имеют значение лишь в той мере, в какой изучение профессии героя помогает постигнуть глубины душевной жизни людей, которые отдают работе основную часть отпущенного им природой времени. Из таких знаний возникают убедительные психологические характеристики. Маленькая «профессиональная» деталь способна иногда по-новому осветить характер.

Современному писателю нельзя обойтись без знания профессии героя, ибо это социальный привод человека с эпохой. Автору нужно знать психологию профессии, даже рефлексологию профессии, и притом знать все это гораздо лучше, чем знает сам герой, ибо если он взглянул в микроскоп — и у него плохое настроение, или сверил две сделанные в разные десятилетия фотографии какой-то дальней туманности — и вдруг у него был очень хороший аппетит в этот день, то надо знать, почему и как это произошло...

Герой литературы XIX века, за немногими исключениями, не принимал участия в трудовых процессах... Изображение трудового источника средств к существованию могло не входить в философское уравнение, по которому решалась судьба Онегина или Рафаэля де Валентена. В философском уравнении, которым определяется судьба персонажей советской литературы, вступает в силу профессия героя. Переинициализируя из старое выражение, можно сказать теперь: она его за муки полюбила, а она его полюбит за то, что него глаза видят глубже в атоме, чем ее глаза, чем мои глаза. Потому что через него ей откроется гораздо больший мир.

Я вовсе не умаляю значения любви, под аккомпанемент этого инструмента созданы все искусства, все мировые шедевры. Но труба судьбы сегодня звучит по-другому. Не интересны больше замкнутые в себе любовные терзания какого-нибудь герцога Дебройля. Да и сам он переменялся: этот герцог теперь — известный физик. Он в новом качестве — герцог физики де Бройль.

Сегодня мы находимся в других условиях. И любовь, этот старый, почтенный инструмент искусства, должна по-иному звучать в оркестре вместе с другими инструментами, которыми буквально преобразуется мир.